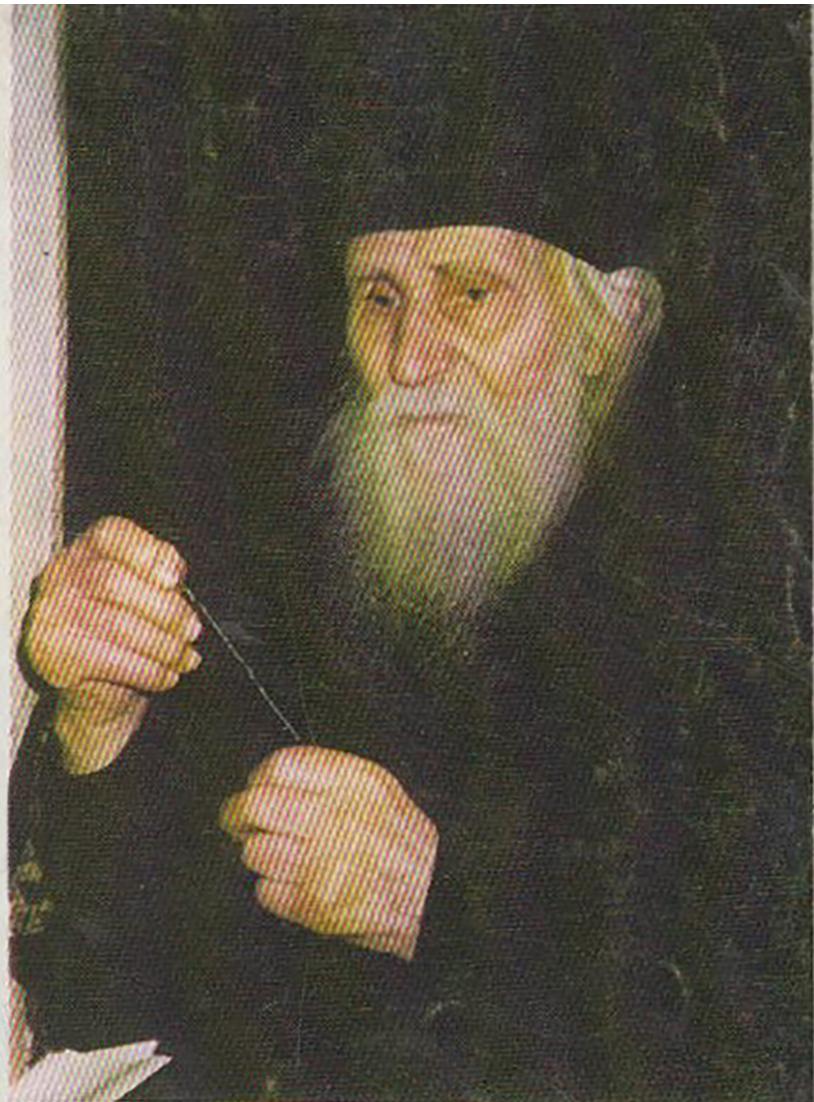

«Мой первый приезд к отцу Николаю произошёл летом 1985 года, когда еще на остров регулярно ходила "Заря" и когда старца почти никто не знал...»

Записки о старце Николае,

составленные
его духовным чадом,
грешным иеромонахом
Нестором

Игумен Нестор (Кумыш)

**Записки о старце Николае,
составленные его духовным чадом,
грешным иеромонахом Нестором**

Православное издательство "Сатись"

2003

(Кумыш) И.

Записки о старце Николае, составленные его духовным чадом, грешным иеромонахом Нестором / И. (Кумыш) — Православное издательство "Сатись", 2003

ISBN 5-7373-0191-5

Прошел год со дня кончины старца Николая. Записки отца Нестора (Кумыша) – это не только воспоминания о встречах со старцем, но, прежде всего, – размышления о том, что явил старец своим духовным служением современному миру. «Из всех удивительных и необычайных для нашего времени благодатных даров, которыми Господь украсил Своего верного раба – Залитского затворника и подвижника – два из них, пожалуй, наиболее удивительные. Это – его любовь и смирение».

ISBN 5-7373-0191-5

© (Кумыш) И., 2003
© Православное издательство
"Сатись", 2003

Иеромонах Нестор (Кумыш) Записки о старце Николае, составленные его духовным чадом, грешным иеромонахом Нестором

*По благословию Архиепископа Бельгийского и Брюссельского
СИМОНА*

Мой первый проезд к отцу Николаю произошел летом 1985 года, когда еще на остров регулярно ходила «Заря» и когда старца почти никто не знал. Я прибыл во Псков во второй половине дня. Сойдя с поезда и придя на пристань, я узнал, что пароход делает всего два рейса в день – в семь утра и в два часа дня. Был пятый час пополудни. Ночевать мне было абсолютно негде, и поэтому надо было как-то добираться до острова. Но как? Про дорогу через Толбицы я тогда ничего не знал. На пристани стояло прогулочное судно из Тарту с эстонцами-туристами. Поднявшись на палубу и пройдя в капитанскую рубку, я узнал, что через час судно отправится в обратный путь по озеру и будет проходить мимо Залита, но на сам остров заезжать не будет. Зайдет только на некоторое время на соседний остров Белов, который находится от Залита в шести километрах водного пути. «Что делать? Рискну», – решил я и попросил капитана взять меня до Белова. Через час мы тронулись в путь. Пароходик казался пустым. День стоял солнечный. Разморенная дневной жарой и утомленная путешествием публика отдыхала по каютам. Найдя укромное место на палубе, где я никому не мешал и где меня никто не видел, я поудобнее устроился и предался созерцанию красивых берегов реки Великой. Вскоре пароходик вышел в необъятное Псковское озеро, и пейзаж сменился. Его однообразие мне быстро наскучило. Чтобы скоротать время, я раскрыл молитвенник и стал читать

акафист Иисусу Сладчайшему. Насытив свой дух молитвой, я глянул в озерную даль. Однако заветный остров, который я поджидал с легким волнением, не появлялся.

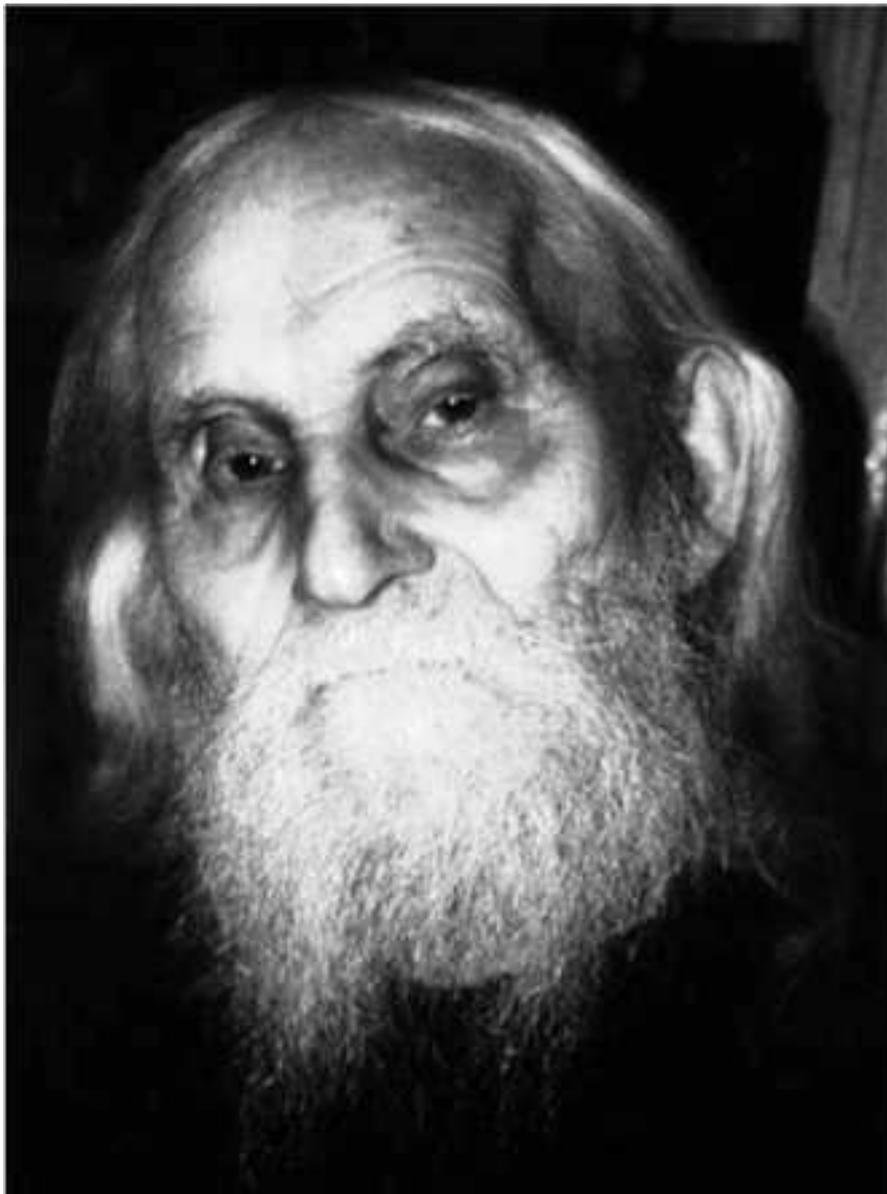

Не найдя, чем бы еще себя занять, я поднялся наверх, походил туда и сюда по палубе и, сам не зная как, оказался в рубке капитана, который оказался на редкость общительным человеком. Он с привычным вниманием покручивал свой штурвал. Мы разговорились. Я не обладаю счастливой способностью быстро сходиться с людьми. Однако добродушный капитан, от которого исходила спокойная уверенность, своей открытостью и широтой натуры быстро расположил меня к себе. Беседовал я с ним, как с давно знакомым человеком. «А-а, ладно, – сказал неожиданно в конце разговора капитан, – поехали на Залит, так и быть, отвезу».

Через полчаса парходик причалил к берегу острова Залит. Экскурсанты-эстонцы лениво вышли из своих кают, чтобы посмотреть, куда они прибыли. Узнав, что это не Белов, они молчаливо провожали меня вопросительно-равнодушным взглядом. А на самом берегу острова, у пристани, скопились ребяташки и другие обыватели острова, пришедшие посмотреть на причалившее в неурочное время судно и выяснить, по какой причине оно приплыло. Для островитян незнакомый парход, прибывший не по расписанию, – это целое событие.

Под любопытными взорами местной детворы и рыбаков я спустился на берег, пома- хал напоследок рукой доброму капитану и направился к церкви, которую заприметил задолго до причала благодаря высокому шпилю ее колокольни. Церковь оказалась закрытой. Узнав, где живет отец Николай, я направился в указанном направлении, стараясь не наступать на раскиданные по обеим сторонам тропинки рыболовецкие сети. Подойдя к домику, я остo- рожно постучался. Довольно продолжительное время не было никакого ответа. Но вот в сенцах послышалось копошение и затем неторопливые шаги. Дверь приоткрылась, и я впервые увидел старца. Он был в поношенном подрясничке и выглядел как-то уж очень просто. Ни величаво- сти, ни духовной строгости, ни значимости и вообще ничего такого, что указывало бы на его исключительность, я не находил в его облике. Он держал себя предельно скромно и казался обыкновенным стареньким батюшкой. «Вы что хотите-то?» – услышал я вопрос старца. «Меня послал к вам архимандрит N», – ответил я. «Да ведь я немощный и старый, ничего не могу. Зачем же он ко мне посылает?» – непритворным голосом произнес отец Николай. И в первый момент я поддался этой невзрачности представшей передо мной картины. «Старенький свя- щенник, каких много. Неужели зря ехал в такую даль?» – мелькнуло в моей голове. Не таким рисовался старец в моем воображении. Я застыл в легком недоумении, но все-таки дверную ручку из своей руки не выпустил. Не помню, сколько времени провел я в своем замешатель- стве. Прервалось оно внезапным приглашением старца: «Ну ладно уж, проходите». Я обрадо- вался и с поспешностью схватился за свой портфель. Однако на самом пороге домика старец вдруг остановил меня весьма странным вопросом: «А ты хорошо выучил, как пишутся частицы “не” и “ни”?»»

Смысл этого обращения я понял не сразу. Мне стали ясными слова старца только на следующий день, когда я на рыболовецком катере плыл по озеру в обратный путь. В то время я учился на предпоследнем курсе Педагогического института и проходил практику в школе, преподавал русский язык и литературу. Своим вопросом старец давал мне понять, что ему известен род моей деятельности. Это был как бы ответ на мой мимолетный помысл о том, что, может быть, зря я ехал в такую даль. Но в тот момент, когда этот вопрос прозвучал, я, сбитый с толку его необычностью, не успел ничего сообразить. Я не привык к столь оригинальной манере общения, с которой до знакомства со старцем не встречался.

Надо сказать, что отец Николай обладал уникальной способностью приводить в нужное состояние тех, кто к нему приезжал. Ему необходимо было вызвать в нас ту особую расположенность и духовную чуткость к своим словам, которой у нас, людей, прибывающих из мира и зараженных его духом, конечно, не было. Нас всякий раз надо было приводить в чувство и очищать от той внутренней неподготовленности, которая проистекала от нашей собственной страстности и от приражений духа мира сего, которые мы всегда носим в себе. Здесь же, на острове, возле кельи старца, человек попадал в совершенно особое духовное измерение и не всегда сразу это понимал. Назидание, за которым паломник приезжал сюда издалека, должно

было лечь на подготовленную почву. Оно всегда было предельно лаконичным, но, несмотря на краткость, касалось самых глубин души вопрошавшего и заключало в себе огромную духовную пользу. Об этой-то пользе «единого на потребу» батюшка и заботился более всего. Своей манерой общения старец как бы внушал: «Вы приехали сюда не шутки шутить и не на прогулку. Здесь, на острове, вы услышите то, что имеет отношение к вашему спасению и к вашему дальнейшему жизненному пути. Поэтому оставьте свою обычную легковесность и мирскую беспечность».

Видя, что имеет дело с тугодумом, отец Николай, не дожидаясь моего ответа, стал подниматься в домик по ступенькам узенькой лесенки. Когда мы пришли в маленькую кухню, первым делом батюшка включил свет и подвел меня к картине, изображавшей будущий Страшный Суд.

Сделав выразительный жест в сторону страдающих в адских муках, он сказал: «Как страшно попасть сюда-то, хорошо бы избегнуть сего да к праведным присоединиться, где веселие вечное». Да, действительно, старец был прав: своей будущностью в вечности, по большому счету, я не жил. (Да и сейчас, пожалуй, в том же грехе пребываю.) Все оценивал и измерял сегодняшним днем, рамками земной жизни, растворяясь в веке сем. «Нельзя так жить», – это был первый урок старца.

Затем последовал второй урок. Батюшка поставил передо мной тарелку клубники с сахаром, отрезал ломоть булки, намазал его маслом и велел есть. Угощение пришлось кстати, так как я с дороги весьма проголодался. Пока я ел, старец удалился в свою комнатку. Как я ни был голоден, но почему-то после нескольких ложек насытился. «Батюшка, я больше не могу. Можно мне оставить?» – сказал я. «Нет, нет, – послышалось возражение, – я люблю, чтоб до сытости». И это была неожиданная вторая правда. Я на самом деле всегда ел, что называется, «до упора». Более двадцати лет прошло после первой поездки на остров, но до сих пор я, «чернец окаянный», не могу преодолеть эту любовь к вкушению пищи «до сытости».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.